

Леонид Семенов

У порога неизбежности

Леонид Дмитриевич Семенов

У порога неизбежности

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371095

Аннотация

«...Эти отрывки – как бы оторванные листья от дерева. Автор просит читателей, чтобы они не побоялись резкости высказываемых здесь мыслей и образов, а попробовали бы их приложить к себе, к своим личным переживаниям. Тогда, может быть, – и так верит автор – они найдут и в себе то дерево, которое дало жизнь этим бледным и, здесь на бумаге, уже пожелтевшим и сухим, но все же дорогим для автора листьям...»

Содержание

Вместо предисловия	4
Песнь I	5
Песнь II	6
I	7
II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Леонид Дмитриевич Семенов

У порога неизбежности

Вместо предисловия

Эти отрывки – как бы оторванные листья от дерева. Автор просит читателей, чтобы они не побоялись резкости высказываемых здесь мыслей и образов, а попробовали бы их приложить к себе, к своим личным переживаниям. Тогда, может быть, – и так верит автор – они найдут и в себе то дерево, которое дало жизнь этим бледным и, здесь на бумаге, уже пожелтевшим и сухим, но все же дорогим для автора листьям.

Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду *слышания* слов Господних.

И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его.

В тот день истаивать будут от жажды красивые девы и юноши, которые клянутся грехом Самарийским и говорят: жив Бог твой Дан и жив путь в Вирсавию! – Они падут и уже не встанут

Из книги пророка Амоса

Песнь I

Я хотел бы поднять во всей стране
Такой безумный, такой неслыханный, такой страшный,
такой
неугасимый голод, какого они еще не знали —
Голод Бога
Чтобы люди метались, стонали, кричали
И бились о землю от муки,
Как самые последние, самые жалкие, слабые люди в
голоде хлеба!
Быть может, голод родит Бога!
Иль Он услышит нас...
Но люди кругом сыты,
Сыты своей маленькой будничной правдой и не замечают
Что этой правдой они ведь поедают друг друга
Или есть Бог или нет Его!
Господи, Господи, яви нам лице свое!.

Песнь II

Я песню пою о великом, неслыханном голоде,
О голоде, который пожрал все вокруг,
Все богатство, всю бедность,
Все книги, всю мудрость, всю жизнь...
О голоде, который гоняет человека по лицу земли,
От которого ему негде укрыться,
Который найдет его везде, который прогонит его сквозь
всю пустоту
его жизни,
Вознесет его на бесконечные, снежные вершины гор
И оттуда свергнет в бездонную пропасть,
О голоде, который погружает его в самые сокровенные
глубины его
морей,
Его сокровенного «я»,
И который все же никогда не приведет его к смерти.
Это голод Бога!
Он хочет, чтобы все кругом было полно такого же голода,
Чтобы все горело им!
Ненасытный и жадный.

I

Сколько смертей!

Все усопшие, все родные, все близкие мои обступили меня. Я вижу их лица. Я слышу их голос. Все рассказывают мне свою повесть. Это повесть их жизни, их страданий и неутоленной жажды их. Они смотрят на меня своим долгим, внимательным взглядом и таким тихим, как озеро осенней порой, и таким голодным, как у нищих.

Потом молчат!

Да и о чем говорить нам. Ведь я все знаю. Знаю всю жизнь их, вижу всю душу их, каждую мысль их насквозь. Да разве и не знал я их всегда!

Вот Виктор! Разве не знал я, что он застрелится, и застрелится именно так, как это было... там, где-нибудь на бульварах Парижа, револьвером в рот, в сумерки, когда так явно подступает к нам вся непрерывная безобразная будничность их жизни, весь неугомонный, вечно один и тот же их шепот, которого он так боялся.

Виктор, Виктор! Какой же ты победитель?!

Ты завидовал мне. А помнишь, я приходил к тебе. Ты сидел одинокий в своей богатой и строгой комнате, гордый Израильтянин, старавшийся все презирать и все любивший такой бледной и бессильной любовью, и такой нежный, как паж, как младший сын короля, с черными глазами, миндале-

видными и полуоткрытыми, как у египетских фараонов...

Семит, боявшийся стыдиться этого! Какая ложь этой жизни!...

Тетя Оля... Она умирала ужасно. Она так хотела жить! до конца! до последней минуты! Но разве не знала она, что значит пить соленую воду. И смерть верно и незаметно подкралась к ней и вдруг наложила на нее свою властную руку. Все лицо ее исказилось. Она еще не верила, хотела не верить, что это все, это уже конец. Но это был конец. Она билась под каменной плитой! О ужас! Тетя Оля! Она приходит ко мне и быстрым прерывающимся шепотом шепчет мне все то же, о чем шептала всю жизнь, когда я и не понимал ее. Она всегда уходила от меня, неутоленная, ей всегда казалось, что главного-то, самого главного, она так и не сказала, но что когда-нибудь скажет... Ах, да разве ты еще не знаешь, что шептать про себя – это то же, что пить вечно-соленую воду, бесконечно пить... Разве не знаете вы это, братья?

Вот и Верцелиус. Он умер в чахотке. Я получил от него открытку уже после его смерти. Он всегда был самолюбив и, умирая, старался смеяться над собой, чтобы умереть, как Гейне. Бедный мальчик, он хватался за смех, думая, что хоть в смехе останется жить после смерти. О чем заботился!...

Иван Васильевич!.. Он входит ко мне скромно и тихо, точно все извиняется, и стоит в углу. Он слепой, но видит. Ведь он, вы знаете, увидел многое, чего мы не знаем, когда ослеп, – и смеялся ведь только так по привычке, а теперь уж

не верит в то, что увидел и потому молчит.

Бабушка!.. мне и сейчас с ней неловко, я не знаю, как быть с ней, что говорить... – Бабушка, что вам?.. Ах, Боже мой, что она говорит?! Ведь это у ее кресла научился я ужасу жизни, этому серому, все долбящему одну и ту же сказку, монотонному, как осенний дождь, безобразному ужасу жизни... И теперь? Она пришла сказать мне, что и она всегда боялась его... Об этом я ни разу не думал за всю свою жизнь с ней, в одном доме с нею... Мне всегда казалось, что мы разных поколений – и только...

Боже мой! Но еще и еще!.. все мертвецы вошли ко мне, они теснятся кругом, толпятся несчетной толпой в дверях и там в коридоре!..

Вот Слава!.. Мой мальчик, ты умирал в июльский жаркий полдень и все жаждал солнца и цветов. Как явственно вижу я твой лоб и синие жилки на висках. Таким и был ты всегда...

И каждый несет свою тайну, каждый несет свою несбывшуюся мечту и свою невысказанную грусть.

– Что надо вам, братья? что могу я вам сказать, что дать? Вы ведь видите, я сам, как мертвец, среди этого мира, где мне уже нечего терять. Зачем пришли?..

Но их внимательные глаза глядят на меня долго, неотступно и заглядывают в самую сокровенную глубь меня и как будто спрашивают о моей тайне или читают в ней свою... О, я уверен, они часто так ходят тут между нами и спрашивают нас, следят непрерывно за нами, когда мы и не думаем об

этом, все ожидая, что мы разрешим им их загадку и тайну их жизни. Наше слово должно освободить их! Вот что сказали они мне сегодня так робко, так застенчиво своим тихим и даже неукоряющим вовсе взглядом, когда обступили меня: их жизнь прожита, но они еще прикованы к ней, к ее тайне, потому что она только загадана, но еще никем не разгадана. И они скитаются на земле. Все ждут.

* * *

Что мог я сказать им? Я молчал.

И тихо, даже бережно, как будто боясь, что я их печаль приму За упрек, боясь уколоть меня ею, они отступили назад, покорные и грустные. Но ужас проник меня до самых глубин моей пустоты, когда я увидел всю боль их.

– Так, значит, все то же! Все то же!.. говорили они, говорили их тихие, их грустные, – пустые, раскрытые, страшные и опять обманутые глаза, не смея взглянуть друг на друга.

– Да! все то же, все то же! и ничего нового! жизнь все та же и мы все те же!.. вдруг закричал я им всем в каком-то бешеном исступлении. – Вы умерли и ничего не изменилось! Ваша смерть прошла даром... Вы слышите: даром!..

И я рыдал в бессилии.

Сегодня я был на кладбище. К тихому кладбищу за городом, среди фабрик и несчетных железнодорожных путей,

подошел поезд, и из заднего вагона стали выгружать мертвецов. Это не были покойники. Где были они сами – я не знаю. Но это были их тела, завернутые в саваны и закрытые желтыми ящиками. Их клали по нескольку на одну телегу и везли к могилам. За некоторыми шли люди и рыдали. Других никто не провожал. И мне вспомнились слова одной индийской книги: «тело это то же, что ноготь, умереть это значить его обстричь и бросить». И в самом деле, что такое эти тела как не обстриженные и брошенные ногти?.. думал я и шел по полотну железной дороги. – Вот и меня может раздавить здесь поезд. Это значит, обстригут еще один ноготь и его выбросят вон... Но этот вагон, засмеялся я, что он такое? и все эти великолепные сооружения пути, и фабрики вдали, и их трубы и дымы их труб, что они?

Ведь это же все только ногти и все они только для ногтей. Так отчего же такая важность в них, и отчего такое равнодушие в них к этим ногтям?.. И вспомнились мне все тысячи, все миллионы жертв, которые приносились им. Жертвы ногтей ногтям! Ведь каждый день и теперь мы читаем в газетах, казнят и убивают десятки людей, должно быть, во славу ногтей. Да отчего же этого не делать? Ведь это тоже все только ногти – и это только стрижка ногтей. Мы так и привыкли. Но тысячи убиенных и казненных вдруг встали передо мной и заговорили. И долго ходили они со мною и все рассказывали мне то, о чем думали они в последнюю минуту. И многие мертвецы встали из могил и глядели на нас своими глу-

бокими и вопрошающими и все чего-то ожидающими от нас глазами.

Все ногти!.. – подумал я и усмехнулся.

И вот рассказали они мне, что нет ужаса страшнее того, какой они знали, и этот самый страшный ужас был тот, когда они узнали, что нет ничего страшного, что так-таки все безразлично. Такой ужас наступал иногда у них, после долгого сиденья в одиночке, когда их выводили на казнь. Вдруг все становилось совершенно безразличным. Казалось, почему бы и не умереть? Почему бы и не расхохотаться перед самой петлей в лицо палачу или не плюнуть ему в лицо, в глаза, чтобы получить от него пощечину? Что казнь? Что смерть? Что прошлое их? *Ведь все равно уж никто никогда ничего не изменит.* И с ужасом рассказывали они мне, как они пробовали заглянуть в себя, как пытались внутри себя найти хоть что-нибудь, увидеть – и ничего не находили... Позировать? Позировать было незачем, потому что никто бы все равно никогда не узнал об их последних минутах. Не все ли равно тогда – как умирать?.. Это было ужаснее всякого паденья, позорнее всякой измены и страшнее смерти. Полное равнодушие всего ко всему. Ничего не нужно, все безразлично... И теперь не могли они вспомнить об этом, старались забыть это, вырвать, вычеркнуть из своей памяти, бледнея, как снег, сами бледные, бледные мертвецы...

Но вдруг и мне, – что-то ужасное дрогнуло во мне, – мне показалось, что я знаю это и что даже каждый из нас знает

это...

Даже стало явственно припоминаться... да, да! в тюрьме... Я помню, — когда я был с вами, братья, этот ужас, — как самый последний стыд, как позор... Разве не таился он в каждом из нас, разве не мелькал он иногда, как змея, между нами?... Мы спешили заговорить его, мы начинали петь песни, мы кричали... И это было так позорно, так страшно. Кто мы? что мы? почему в тюрьме? почему все? Кто из нас знал это? Но мы уверенно, мы гордо повторяли то, что веле-ла нам сила, та сила, которая делала нас такими, какими были, которая посылала нас в тюрьмы, одних на каторгу, дру-гих на геройство, третьих на подлость, на власть, на измену, на казнь... А в душе, в душе-то нам в конце концов все было так безразлично, так скучно и ненужно все это... И вдруг я так ясно это понял, вдруг раскрылись глаза мои...

Ах, братья, какой это ужас все!

II

Сегодня я пришел к себе и сказал себе:

Почему бы тебе не играть в шахматы? Ты не думай, что это так глупо. Ты обеспечен, – в крайнем случае, можешь получить место в министерстве юстиции, или писать статейки в каком-нибудь органе, чтобы не нуждаться, но ты имеешь свободное время и свободное сознание, почему бы не посвящать тебе их такой благородной игре, как шахматы. Ведь иначе тебе будет скучно. Или ты думаешь, что шахматы хуже музыки? Хуже науки, или политики? чем? при шахматной игре ты, по крайней мере, не будешь никому вредить, а будешь играть только деревянными фигурами и на деревянной доске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.